

23 марта 1979 г. № 24 (5240) ◆

Юрий НАГИБИН

Л Е Т Я Щ Е Е С О С Ц Е Н Ы С Л О В О

Одним из самых сильных впечатлений всей моей жизни был и остается Театр одного актера Владимира Яхонтова. Я пользовался каждой возможностью, чтобы попасть на его концерты; композиции по Достоевскому «Настасья Филипповна» слушал не меньше десятка раз, столько же «Графа Нулина» и программу, посвященную Маяковскому. Еще я любил Дмитрия Орлова, изумительного театрального актера и несравненного чтеца. Как лукаво и мудро читал он народные сказки и горьковский рассказ про обезьяну! Трогал меня до слез — он и сам плакал, читая «Староветских помещиков» и монолог Карла Ивановича из «Детства» Толстого, — Игорь Ильинский. А сколько юмора было в его исполнении «Золотого петушка» и рассказов Зоценко! И все же лучше всех читал Зоценко, сам Зоценко. Неописуем контраст спокойного голоса и невозмутимости печального лица Михаила Михайловича с безумно смешным текстом. Однажды меня потряс «Невским проспектом» пафосный Антон Шварц; чувство полного эстетического комфорта охватывало, когда Всеволод Аксенов читал «Кармен» Мериме или парламентскую речь Байрона.

Но в пятидесятые годы мое увлечение концертным чтением как-то полиняло, кумиры ушли или постарели, а новые не захватывали, хотя были среди них мастера своего дела. Стихи я предпочитаю слушать в исполнении самих поэтов. Многие читают превосходно, хотя порой на последней границе хорошего вкуса, но им это простительно. Одни неистовствуют, заклиная, другие плачут и молятся, третьи завывают или вколачивают стихи, как гвозди, в мозг слушателя, но все это талантливо, вдохновенно, самобытно и в необузданности своей захватывающе. Рядом с ними манера профессиональных чтецов стала казаться пресной.

Мне нравится, как читает прозу Юрий Каюров, но, к сожалению, он выступает очень редко, да и то лишь по телевидению; привлек, опять же в прозе, Юрий Мышкин, но уже по своей вине я надолго потерял его. Не называю талантливого Елизавету Ауэрбах — она исполняет собственные рассказы, а это совсем другой род речевого искусства. И вот недавно, привлеченный афишей заслуженного артиста РСФСР Юрия Мышкина, я пошел в концертный зал имени Чайковского на необычную программу, называвшуюся «Пушкин и Петр I», автором ее был сам чтец.

Признаться, не думал, что такая «специальная» программа, требующая немалой подготовленности слушателей, соберет столь большую аудиторию. Могу ответственно утверждать: если бы какому-нибудь безумцу на Западе вспало на ум выступить с подобной программой (на отечественном, разумеется, материале), он оказался бы перед пустым залом. Помимо всего прочего, как же высок уровень нашей аудитории! Ведь сколько народу явилось слушать не стихи и прозу Пушкина — его конспект, наметку несостоявшейся работы, разрозненные записи о днях давно минувших, в гущи морозный январский вечер. Нет сомнения, что зал не вместил бы всех желающих, если б об этой необычной и не слишком располагающей

по афише программе, которая не вчера появилась, было хоть слово сказано в прессе. И что за этим молчанием — лень, равнодушие или расточительность?.. Все же слово должно быть сказано, чтобы знали, какое интересное и содержательное представление сотворил мастер художественного слова Юрий Мышкин.

Программа, сделанная способом весьма простого монтажа, дает больше, чем обещает афиша. Костяк, естественно, — пушкинские «Материалы к истории Петра Великого», но, кроме того, сюда включены письма Пушкина и дневниковые записи, показное письмо царевича Алексея к отцу и ответ Петра, петровские указы, стихи Пушкина — всего несколько строк. Есть цитаты из Белинского и Юрия Олеши. Куски соединены текстом, взятым из отличной книги пушкиниста И. Файнберга «Незавершенные работы Пушкина».

Большая цитата из Герцена, с которой начинается программа, и ставит главную тему, и как бы задает тон: «Пора действительно ознакомить Европу с Русью... Пусть она узнает ближе народ, который как-то чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капительской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранил живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ Петра Великого образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина». Великолепная формулировка!

Мышкин так и строит свою композицию: через Пушкина к Петру, от Петра к России и обратным движением к Пушкину — величайшему воплощению народного духа. Три образа строятся параллельно: Пушкин, Петр, Россия, но, разумеется, это не математические параллельные линии, которые пересекаются лишь в бесконечности, здесь постоянно происходит пересечение, слияние, отторжение и вновь пересечение. Пушкин был в высшей степени одарен историческим и государственным чувством. Он гордился прошлым своей родины и говорил, что не хотел бы другой истории для России. Но, восхищаясь громадной преобразовательской деятельностью Петра, он видел и беспощадность его методов, и ту жестокость, которая далеко не всегда диктовалась соображениями «высшей пользы», а словно передавалась этому Романову от самого значительного и страшного из Юриковичей. Двойственность Петра не только в его личности, но и во всей деятельности: мудры его законы, но вздорны указы, которые с жутковатым бесстрашием читает Мышкин. И все-таки Петр велик, и Пушкин был человеком для петровских, но отнюдь не для николаевских дел. Уж Петр, искавший таланты с не меньшим пылом, чем Центральное телевидение, дал бы развернуться до конца гению и энергии человека, о котором даже дубина Николай I обмолвился: «умнейший муж России», после чего сделал все возможное, чтобы погасить свет этого ума.

Пушкин обратился к Петру в пору своей художнической и гражданской зрелости. В композиции закономерно и следовательно развивается трагическая тема последних лет

жизни поэта. Пушкин женился по любви, по страсти, но каким уродством обернулся брак первого поэта с первой красавицей России. На ней остановил свой оловянный взгляд император Николай, он хочет видеть Наталью Николаевну при дворе, и Пушкина, которому шел четвертый десяток, обряжают в камер-юнкерский мундир, что лестно для юного паркетного шаркуна, но уничительно для зрелого мужа, главы семьи, знаменитого писателя. Тщетно пытался Пушкин скинуть ненавистную «машкерию», ему было объявлено, что придворную службу он волен оставить, но к тайным архивам — источнику всех сведений о Петре — его уж не допустят. На это Пушкин пойти не мог — в создании труда о царе-преобразователе он видел главное дело своей жизни: тут и долг перед русской историей, и соображения пользы России — обратить ее взор к тому, кто не терпел косности, застоя, кто поставил великие цели и доказал, что русскому народу все по плечу, тут видел он и высшее воплощение своей зрелой силы, и спасение от тисков вечной нужды, а следовательно, свободу от ненавистного двора и царя со всеми его приспешниками. Как горестно звучат в устах чтеца письма Пушкина по этому поводу Бенкендорфу и как жутко — бездушная переписка последнего с Николаем.

Вот как сложно и нерасторжимо связалась судьба Пушкина с Петром, труд о котором мог дать измученному поэту независимость и покой. В этом — нерв композиции.

Оттого так значительно и трепетно каждое слово, летящее со сцены в зрительный зал. Нет, не о мертвечине далекого прошлого, достойных пыльных архивов рассказываю нам — о живой муке великого художника, о страстях России, которую то вздергивает на дыбы железная десница Петра, то медленно душат белые холеные руки Николая. И поражает, как в тяжелые дни унижений, травли, безысходности, нагнетаемой усилиями императора, двора и светской черни, мощно, ясно и пронзительно работал мозг Пушкина и как в быстрых записях строилась и вырастала грандиозная, страшная и необходимая для будущего России фигура Петра, и как вырастал над трясиной горестей, обид и забот сам Пушкин.

Большое культурное дело сделал талантливый артист. Чтение Юрия Мышкина, настоящего мастера, уверенно и прочно владеющего всеми секретами своей профессии, заслуживает самых больших похвал. В нем — сдержанность, не становящаяся сухостью, тусклым объективизмом, выразительность, не переходящая в натужный пафос. Артист не лицедействует, что было бы ужасно, но, изменяя голос, что-то едва заметно меняя в осанке, жесте, то скупом, то широком и всегда уместном, дает почувствовать: вот Пушкин, вот Петр, вот Николай, а вот исчезает все личностное — звучит голос самой истории.

Исполненное на «Бис» Вступление к «Медному всаднику» прозвучало как естественный финал программы, ибо через любимое детище Петрово, столь же любимое Пушкиным, вновь сочетаются поэт и царь, но не тот, что был душегубом русского гения, а тот, что прорубил окно в Европу и вывел Россию на мировые пути.